

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ

Алексей Михайлович Пономарёв,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский филиал,
Ижевск, Россия,
amp08@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Пономарёв А.М. Технологии искусственного интеллекта в контексте современной трансформации социальности // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 159–177. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159

Аннотация

Трансформация общества в процессе внедрения искусственного интеллекта (ИИ) относится к наиболее актуальным проблемам социальных наук, при этом меньшее внимание привлекает проблема ограничений на создание сильного ИИ. Цель статьи – показать в общих чертах влияние устройств с ИИ на трансформацию общества. В работе описывается общество, в котором эпистемологическая проблема превращения больших данных в знание оказывается острой социальной проблемой. Отмечается, что создание и внедрение ИИ является ответом на новый социальный вызов, а предпосылкой данных процессов выступают новые коммуникации на базе цифровых платформ, играющие роль технологического базиса внешней кибернетической «нервной» системы сегментированных социальных общностей. Эти платформы являются также технологической основой формирования цифровой виртуальной социальности – необходимого элемента воспроизводства усложняющегося общества, превращающегося в гибридную социальность. В зависимости от типа гибридности выделяются типы интеллектуальных агентов (ИА); каждый тип отличается средами, в которых он функционирует, способом описания окружающей среды. Однако общей чертой таких описаний является их алгоритмический характер и функциональность.

© Пономарёв А.М., 2022

Алгоритмическое описание окружающей среды ИА не совпадает с интегральным или предметно-структурированным описанием той же среды социальным агентом. Делается вывод, что в силу перечисленных обстоятельств создание ИА с сильным ИИ возможно только в виде интеллектуальных систем на базе цифровых платформ как комплекса коммуницирующих агентов социальности и агентов ИИ с общей онтологией, некоторые регионы которой выполнены в форме алгоритмического описания.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, гибридная социальность, виртуальность, алгоритмическое описание окружающей среды, интегральное описание окружающей среды, предметно-структурное описание окружающей среды, социальный агент, интеллектуальный агент.

UDC 316.332

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_159

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATION OF SOCIALITY

Alexey M. Ponomarev,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
the Udmurt Branch,
Izhevsk, Russia,
amp08@mail.ru

Article received on March 28, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Ponomarev, A.M. (2022). Artificial Intelligence Technologies in the Context of Modern Transformation of Sociality. *Discourse-P*, 19(4), 159-177. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159

Abstract

The transformation of society in the process of introducing artificial intelligence (AI) is one of the most pressing problems of the social sciences, while the issue of limits to the creation of strong AI draws less attention. The purpose of the article is to outline the impact of AI devices on the transformation of society. The study describes a society in which the epistemological problem of turning big data into knowledge turns out to be an acute social problem. It is noted that the creation and implementation of AI is a response to a new social challenge, and the prerequisite for these processes is new communications based on digital platforms serving as the technological basis for the external

cybernetic “nervous” system of segmented social communities. These platforms are also the technological basis for the formation of digital virtual sociality, an essential element of reproduction of an increasingly complex society that is turning into a hybrid sociality. Depending on the type of hybridity, the types of intelligent agents (IA) are distinguished; each type differs in the environments in which it functions, and the way the environment is described. However, a common feature of such descriptions is their algorithmic nature and functionality. The algorithmic description of the IA environment does not coincide with the integral or object-structured description of the same environment by a social agent. It is concluded that due to the above circumstances, the creation of an IA with strong AI is possible only in the form of intelligent systems based on digital platforms as a complex of communicating agents of sociality and AI agents with a common ontology, some regions of which are made in the form of an algorithmic description.

Keywords:

artificial intelligence, hybrid sociality, virtuality, algorithmic description of the environment, integral description of the environment, subject-matter and structural description of the environment, social agent, intelligent agent.

Введение

Сегодня в обществе интерес к искусственному интеллекту (ИИ) выходит за пределы научного обсуждения, обрастая в средствах массовой информации различными мифами. В науке и разработках проблематика ИИ носит междисциплинарный характер, решается в рамках различных методологических подходов. При этом затрагиваемые в настоящей статье вопросы – информационное общество, результаты внедрения разработок в области ИИ, социальная и научная рациональность – в научной литературе зачастую рассматриваются вне связи друг с другом, анализируются в рамках различных подходов. Сложность целостного изложения усугубляется различиями в интерпретации одних и тех же понятий разными авторами, разными научными школами. В силу указанных обстоятельств представляется необходимым предварить статью уточнением некоторых исходных положений, раскрывающих методологическую установку и уточняющих интерпретацию понятий из сферы ИИ как науки и технологии, занятых разработкой алгоритмов и программ, на основании которых создаются имитирующие человеческое поведение и когнитивные процессы машины.

Многоаспектность и междисциплинарность рассматриваемой проблемы заставляет обратиться к положениям трансцендентальной прагматики, согласно которым коммуникативное сообщество рассматривается как неограниченная коммуникативная общность, внутри которой разворачивается дискуссия, а каждый используемый ее участником тезис, аргумент должны, не прерывая дискуссию, рассматриваться в качестве последнего убеждения (Шуман, 2002, с. 357–358).

В контексте решаемой в статье задачи – описание трансформации социальности под влиянием возрастающего проникновения в общество на разных уровнях и в различных областях результатов разработок в сфере ИИ – будут

применены понятия «интеллектуальный агент» и «интеллектуальная система» в следующей интерпретации.

Интеллектуальный агент (ИА) – устройство на базе программного обеспечения, в разной степени способное имитировать человеческие действия и когнитивные способности, в том числе получать информацию из окружающей среды, адаптироваться к ней, взаимодействовать в ней с человеком и аналогичными устройствами на основе самообучения; «... устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявление искусственного интеллекта» (Резаев, Трегубова, 2021, с. 30).

Исходным для применения понятия «интеллектуальная система» (ИС) является определение В.К. Финна: «Под интеллектуальной системой будем понимать пару (человек, компьютерная система), в которой вторая компонента реализует рассуждение, использующее структурированные данные... и знания..., способные не столько имитировать деятельность квалифицированного эксперта, сколько усиливать (в процессе взаимодействия человек + система) интеллектуальные возможности человека... Характерной чертой... ИС является ее открытость, т. е. ИС есть *человеко-машинная система* (курсив наш. – А.П.), которая поддерживает и усиливает интеллектуальные возможности эксперта, во-первых, за счет логико-математического аппарата рассуждения...; во-вторых, за счет обратного воздействия человека на компьютерную систему, выражающегося в уточнении цели функционирования системы, корректировке ее результатов и стратегий, пополнении новыми знаниями, изменении структуры... данных, привлечении новых (косвенных) методов, проверке и получении результатов...» (Финн, 2000, с. 45). Уточнение характеристик ИС в контексте рассматриваемой проблемы будет дано в тексте статьи.

Основной тезис, развиваемый в статье, формулируется следующим образом. Массовое внедрение в современное общество ИА ведет к гибридизации социальности, которая заключается в изменении ведущего типа социального действия и основанного на нем социального взаимодействия; на смену социальному действию, которое Т. Парсонс характеризует как волонтаристское, приходит социальное действие, которое можно определить как алгоритмическое. Смена типа ведущего социального действия ведет среди прочего к изменению типа социальной рациональности.

Постановка проблемы

Создание сильного ИИ, аналогичного интеллекту человека и способного достигать целей в широком диапазоне неопределенных сред, на сегодняшний день значительным числом специалистов признается невозможным¹. Принципиальным возражением является невозможность (по крайней мере, в настоящее время) воспроизвести техническими средствами целостный процесс человеческого мышления и познания, который включает эмоциональный,

¹ Общее представление об истории разработки сильного ИИ, перспективах его создания, имеющихся в этой области теоретических и практических подходах можно получить, ознакомившись с гл. 1 и 3 книги «Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму» (Потапов, 2021).

волевой и интуитивный компоненты, связанный с волей процесс целеполагания². Следующее возражение заключается в том, что мозг как субстрат интеллектуальных психических процессов связан с человеческим телом. «Телесность» мозга есть не только его связь с обеспечивающим его организмом, она есть еще и способ «встроенности» мозга в окружающий мир, его ориентации и функционирования в нем. Создание ИИ как программно-цифрового воспроизводства человеческого мозга с позиции его ориентировки и функционирования в этом мире требует воспроизводства аналога человеческой телесности для ИИ, т.е. интеллектуального агента. Логично предположить, что образ окружающего мира, который будет у ИА, будет определяться не только способностью воспроизводить процесс мышления, но и характеристиками аналога телесности. Соответственно, образы окружающего мира ИА с различными типами аналогов телесности будут различаться, даже если их способность воспроизводить процесс мышления будет типически одинакова. Это ставит среди прочего проблему взаимодействия многих ИА с различными образами мира.

Помимо указанного выше, корректная постановка проблемы создания ИА с сильным ИИ, социальных последствий его применения отсылает к проблеме сознания. С нашей точки зрения, последнее есть сущность, генезис и развитие которой связаны со становлением и развитием социальности. Признание же феномена ИА как части социальной вселенной человека подводит к анализу ИА и последствий его функционирования в логике анализа существования и развития человеческого общества.

Проблемное поле и формирующиеся подходы исследований в области трансформации общества под воздействием технологий ИИ и социальной обусловленности ИИ достаточно полно и критично анализируются в коллективной монографии под редакцией А.В. Резаева (2021). Исходя же из обозначенных выше позиций, представляется возможным сформулировать вопросы, поиск ответов на которые способен, на наш взгляд, обозначить направление перспективных исследований в сфере взаимодействия человека как социального агента и ИА. Это вопросы о:

- социальных условиях и предпосылках создания ИИ;
- типе сред, в которых возможно существование ИА;
- типе описания (познания) окружающего мира ИА;
- сопоставлении типов описания окружающего мира ИА и человеком как социальным агентом;
- возможности синтеза типов описания окружающего мира ИА и человеком как социальным агентом.

В статье предполагается затронуть некоторые важнейшие аспекты этих вопросов и обозначить возможные ответы на них.

Социальный запрос на искусственный интеллект

Анализ указанного во Введении изменения в современном обществе логично начать с рассмотрения социально-исторической ситуации, в которой

² Механик, В. (2019, 11 сентября). *Чертova дюжина идеального интеллекта. Беседа первая. Интервью с В.К. Финном*. Взято 26 марта 2022, с <https://stimul.online/articles/science-and-technology/chertova-dyuzhina-idealnogo-intellekta-beseda-pervaya/>

создание ИИ становится актуальной общественной задачей. Причина рассмотрения в качестве начального пункта анализа общества, в котором востребован ИИ, банальна: любая технология вторична по отношению к человеческой воле, добровольность людей первична.

Социальным фоном внедрения технологий ИИ является общество, описываемое префиксом «пост-»: постфордистское, постиндустриальное, постдемократическое, постмодернистское и т. д.³ Для современного состояния общества характерна атомизация индивида, разрушение ставших привычными в предыдущие периоды развития общества социальных общностей и их массовых практик, ситуативность общностей, что нашло выражение в понятии «текущие идентичности». Практически единственным «позитивным» термином, который применяется при описании новой ситуации «общества риска», оказывается термин «информационное общество».

В этом контексте следует обратить внимание на то, что начало разработки ИИ относится к рубежу 50–60-х гг. прошлого столетия, а его относительно активное внедрение уже в качестве технологии – лишь к началу XXI в. Предпосылки, отсутствие которых не позволило создать ИИ в середине прошлого века, связаны с развитием новых средств коммуникации. Эти же средства коммуникации, обострив проблему больших данных, уже несводимых в базы данных, сделали насущно необходимым создание ИИ⁴. Иными словами, в описанной социальной ситуации на практике остро встала эпистемологическая проблема – проблема способности человека превращать большие массивы информации в знание. Обращение к социально-эпистемологическому аспекту создания и внедрения устройств с ИИ выводит на основное направление решения проблемы сильного ИИ: «противостоять» системе знаний, пользоваться ею, наращивать ее может только распределенный коллективный субъект, т. е. объединенная коммуникацией группа людей, действующих как единое целое. В этой области в первом приближении следует искать ответ и на все вызовы, связанные с внедрением в общество технологий ИИ. И один из ключевых вопросов – вопрос о возможности такого субъекта.

Одним из аспектов текущего состояния социума является перевод массового общества посредством применения новых информационных технологий в состояние гиперинформационности. Это общество, в котором социальная масса атомизированных индивидов воспроизводит себя через массовую коммуникацию и массовую культуру. Их современное функционирование тесно связано с изменением характера СМИ. В новой ситуации происходит очередное изменение характеристик социальной информации. Анализируя эти характеристики информационного общества В. И. Игнатъев (2018) пишет: «Особенность информации – это индивидуальный способ возникновения и общественный характер ее передачи» (с. 46). Он обращает особое внимание на возрастание роли символизма в новой социальной ситуации: «Единство символа, вещества

³ Правда, через этот префикс описывается трансформация, охватывающая страны ядра глобализирующегося общества, на периферии которого сохраняются и даже консервируются предыдущие социально-политические и экономические уклады.

⁴ Отметим, что решение проблемы больших данных и есть решение проблемы контроля над современной версией ИИ, поскольку он работает на основе таких данных.

и действия выступает как особая физическая реальность. Именно символический обмен связывает физическую и символическую реальности» и фиксирует «снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, которое базируется на образах, создает проблемы в самой коммуникации» (с. 47). Обобщая эти характеристики, исследователь констатирует уже ставшее «общим местом» положение о том, что современная социальная система – «это взаимодействия по форме выступающие как коммуникации, а по содержанию – движение (передача) информации» (с. 46).

С развитием новых коммуникативных технологий атомизация индивидов достигает стадии капсулизации – индивид замыкается в своем изолированном «мире», выпадая из социальных связей. Одновременно изменяется презентация общностей, их целостность подвергается сегментации. Сегодня точкой сборки общности выступает цифровая платформа; новая коллективность проявляется теперь как множественность хаотичных единичных репрезентаций. В новой культурно-технологической ситуации у социальной общности появляется автономная сетевая оболочка, которую «...можно уподобить... нервной системе коллективного тела...». Социальная целостность теперь ограничена цифровой нервной системой, которая не только автономна, но и вынесена во вне социального целого (из офф- в онлайн) (Корецкая, 2019, с. 124).

Обозначенная смена типа активности члена социума как социального агента и изменение механизма сборки коллективного социального агента меняют социальную среду, в которую внедряются устройства с ИИ, разворачивается их взаимодействие в качестве ИА с социальными агентами. Эта социальная среда формируется на базе цифровых коммуникативных платформ и может быть обозначена в качестве «второй социальности», описываемой как виртуальная, цифровая реальность, как надстраиваемая над естественноисторической «искусственная» е-социальность. Удвоение социальности в складывающейся сегодня в обществе ситуации объективно необходимо; это ответ на усложнение проблем «первой», естественноисторической социальности, средство контроля над нарастающей комплексностью социальных феноменов. Но в то же время оно является условием внедрения в общество устройств с ИИ, предпосылкой их социальной квазиагентности в качестве ИА.

Наблюдаемое сегодня усложнение социальности не является чем-то принципиально новым в истории человеческого общества. Подобные трансформации происходили в каждой исторической ситуации появления революционных технологических новаций. Вызов текущей ситуации, содержащиеся в ней риски заключаются в том, сумеет ли человек сохранить свою субъектность. Под угрозой находится ядро социальной агентности человеческого индивида – способность участника социальных взаимодействий действовать на основе свободного осознанного рационально-волевого выбора. Встраивание в социальное взаимодействие через коммуникативные акты ИА угрожает полным отчуждением социальной агентности от личности. Но, как не раз случалось в истории, факторы, порождающие новые социальные угрозы, потенциально содержат и способы защиты от них.

Другими словами, разработки в области технологий ИИ актуальны как инструмент решения проблем социальных отношений современного «общества риска». Анализ потенциала технологий ИИ в защите социальной агентности

членов современного общества заставляет обратить внимание на характер трансформации социальности в новой ситуации.

Гибридизация современной социальности

Современное состояние общества можно охарактеризовать как формирование очередной гибридной социальности. Новые технологии коммуникации и технологии ИИ являются ключевыми факторами текущей гибридизации.

С нашей точки зрения, любая гибридная социальность исторически возникает под влиянием технологических факторов, массового проникновения новых технологий в общество. Социальный механизм гибридизации заключается в образовании автономной социальной сферы, в которой формируется и закрепляется в качестве ведущего тип социального взаимодействия, основывающийся на относительно новом типе социального действия и социальной рациональности. На следующем такте функционирования этого механизма происходит изменение базовых социальных институтов общества (как вариант, появление новых), через которые новый тип взаимодействия распространяется по всей социальности.

Историческим примером может служить первая промышленная революция, в результате которой формируется индустриальное общество, целерациональное социальное действие вытесняет традиционалистское, а классическая научная рациональность занимает место доминирующей социальной рациональности. По аналогии можно описать и текущую ситуацию гибридизации. Новые технологии коммуникации стали основой создания новой цифровой виртуальной реальности. Их связь с технологиями ИИ чревата формированием социального действия, которое детерминировано алгоритмами разнообразных ИА, и сменой научной рациональности в качестве ведущего типа социальной рациональности технологической рациональностью, которая в своем ядре также содержит алгоритм. Разработка и проникновение разнообразных ИА выступают одновременно и как катализатор процесса нынешней гибридизации социальности, и как средство управления ее эффектами.

Поскольку предполагается, что новая социальность в качестве автономной сферы общества обладает собственными закономерностями протекания социальных процессов, особое внимание должно быть обращено на характер соотношения условно старой и условно новой социальностей, их взаимного влияния.

В первом приближении можно выделить три типа взаимного соотношения цифровой и естественно-исторической социальностей; три типа гибридизации выражают три способа связанности цифровой и естественно-исторической социальностей. Первый тип соотношенности – цифровая социальность становится еще одним элементом взаимодействий в «естественной» социальности. Второй тип – цифровая социальность опосредует взаимодействия в «естественной» социальности. Третий тип – цифровая социальность и «естественная» социальность сосуществуют «параллельно».

Каждый из перечисленных типов характеризуется спецификой трансформации естественно-исторической социальности и, соответственно, особенностями эффектов, порождаемых цифровой реальностью. В первом типе – это трансформация системы социального действия. Второй тип связан с большей или меньшей автономизацией одной или нескольких функций этой системы

в цифровой социальности. Эти функции переносятся в цифровую социальность, реализация других функций остается за человеком в «естественной» социальности. В третьем случае речь идет об осуществлении интеракций (или их симулировании) в цифровой социальности. Но в данном случае не приходится говорить о параллельной социальной вселенной в строгом смысле этого словосочетания, т. к. цифровая социальность в качестве виртуальной реальности характеризуется не только автономностью и собственными закономерностями, но и зависимостью от субстантивной «естественной» реальности.

Учет выделенных типов гибридизации социальности представляется важным, т. к. именно цифровая среда является средой существования и функционирования ИА. Соответственно, приведенная типология характеризует и типы возможных ИА, и способы их взаимодействия как с человеком, так и нескольких ИА между собой. Главный же вывод, который удается сделать в рамках приведенной типологии, заключается в том, что взаимодействие человека в качестве социального агента и ИА и каждый из элементов такого взаимодействия должны анализироваться только в контексте целостности.

Другое важное методологическое положение, которое можно вывести из анализа типов гибридизации, состоит в утверждении зависимости программно-цифрового аналога человеческого мозга от субстантивной реальности в качестве одного из ведущих принципов анализа квазиагентности ИА, а исследование категории «цифровая виртуальность» выступает как основное направление этого анализа. В частности, обращение к существующим интерпретациям этой категории позволяет утверждать, что виртуальному присущи онтологические, гносеологические и социокультурные характеристики, что «понятие «виртуальность»... содержит в себе:

- социальную составляющую (совокупность присущих субъекту природно-социальных качеств);
- технико-технологическую составляющую (совокупность технико-технологического обеспечения, воспроизведения специфического синтеза реальности актуальной и мнимой);
- социокультурную составляющую (совокупность принципиально новых представлений о возможностях материального и идеального начал, раскрывающихся под воздействием информационных технологий конца XX – начала XXI века)» (Соснина, 2017, с. 16).

Таким образом, говоря об анализе комплексности взаимодействия человека как социального агента и ИА в условиях гибридной социальности, следует учитывать три постулата виртуальности – автономность, собственные закономерности и зависимость от субстрата; выделить три ее характеристики – онтологическую, гносеологическую и социокультурную; указать на три ее составляющие – социальную, технико-технологическую и социокультурную.

И в качестве одного из промежуточных выводов удается сформулировать положение о том, что создание ИА с сильным ИИ, т. е. «...ИИ, который обладает всеми качествами человеческого разума: пониманием, самосознанием, субъективным переживанием и т. д.» (Потапов, 2021, с. 18), в человеческом сообществе принципиально невозможно. Гипотетически появление ИИ как сверхразума допустимо, но в некоторой отличной от человеческой социальности. Допуская принципиальную возможность создания такой социальности, приходится гово-

речь о ней как о полностью параллельном человеческой социальности универсуме, что снимает в принципе вопрос о последствиях создания ИИ в указанном смысле для человеческого общества.

Изучение же феномена ИА в качестве элемента гибридной социальности позволяет уточнить актуальные исследовательские проблемы когнитологического характера. С точки зрения анализа когнитивных механизмов, должны быть решены две проблемы. Первая – создание у ИА образа социальной среды. Вторая – трансформация агента социальности. Эти проблемы связаны друг с другом. Если характеризовать ИА как устройство, которое получает извне посредством сенсоров информацию о состоянии окружающей среды и осуществляет на нее обратное влияние, то он может быть переопределен через дефиницию, которую приводит К. Яковлев: «...это некто или нечто, что функционирует в окружающей среде и, во-первых, имеет способы посредством своих действий изменять состояние этой среды, а во-вторых, имеет возможность воспринимать информацию и обновлять свое состояние»⁵. Поскольку каждый тип социальной гибридности характеризуется специфичной коммуникативной средой, поскольку каждому типу гибридизации социальности соответствует свой тип социального агента и степень его трансформации, постольку изменение агента социальности в каждом из рассматриваемых случаях гибридизации социальности предопределяет тип ИА.

Типологические изменения социальности с точки зрения интеграции в нее социального актора могут быть представлены на основе типологии социальных связей М. Грановеттера (2009), которая дополнена Л.А. Сабуровой еще одним типом – «слабейшие» социальные связи. В этой связи она отмечает «возникновение и распространение связей «слабейшего» типа, в развитие классификации Грановеттера, т. е. связей, не только не предполагающих близких, эмоционально насыщенных, устойчивых отношений, каковыми являются «сильные связи», но также не предполагающих устойчивых социальных ожиданий, социальных обязательств и формальных социальных ролей, предполагаемых «слабыми связями». «Слабейшие связи» в чистом виде – обмен информацией, включая обмен реакциями на информацию, которые сами по себе также являются лишь информацией» (Сабурова, 2019, с. 191). Перечисленные типы социальных связей можно соотнести с описанными выше типами гибридной социальности. Соответственно, сильные социальные связи на основе трансформированного социального действия преобладают в первом типе гибридизации, слабые – во втором, слабейшие – в третьем.

Каждый из указанных типов гибридной социальности характеризуется спецификой трансформации естественно-исторической социальности и, соответственно, особенностями внедрения коммуникативно-цифровых эффектов, в том числе под влиянием ИА. В первом типе это трансформация структуры социального действия. ИА оказывает влияние на каждый из выделенных Т. Парсонсом элементов этой структуры, в первую очередь через изменение научно-рационального и остаточно-иррационального знания (Пономарев, 2019). Второй тип связан с большей или меньшей автономизацией одной или

⁵ Яковлев, К. (2018, 15 апреля). *Перспективы интеллектуальных агентов*. Взято 26 марта 2022, с <https://postnauka.ru/faq/83426>

нескольких функций системы социального действия в цифровой социальности. Соответственно, на ИА возлагается выполнение этой функции в цифровой социальности, за человеком как социальным агентом остается реализация других функций в «естественной» социальности. Третий тип характеризуется осуществлением социальных интеракций (или их симулированием) в цифровой социальности. Именно в цифровой виртуальной социальности можно говорить о «квазисубъектности» ИИ.

В соответствии с характеристикой типа гибридности социальности на основе типа социальной связи может быть дана типология ИА. Для типа гибридности с преобладанием сильных социальных связей характерен ИА, который действует в «естественной» социальности. К. Яковлев пишет об этом ИА: «Полностью реальный агент, который действует в том же мире, что и мы с вами. Самый простой пример – мобильные роботы. Робот-пылесос сделан из железа и пластика, у него есть какая-то форма, вес. Мы его можем потрогать, пощупать, и если он пропылесосил, то в какой-то конкретной квартире по вполне определенному адресу стало чище. Этот агент действует в нашем мире»⁶. ИА гибридной социальности на основе социальной связи слабого типа К. Яковлев описывает следующим образом: «Например, виртуальные ассистенты, чат-боты, персональные помощники – все это агенты, не имеющие физического воплощения. Они виртуальные, но их действия направлены на мир, в котором мы с вами живем. Причем это могут быть не только разговорные действия. Ваш виртуальный помощник может подключиться к системе электропитания умного дома и подстроить свет под ваши предпочтения. Или если вы его попросите сделать чай, он включит с помощью интернета вещей чайник. Хотя агент виртуальный, его действия проявляются в реальном мире»⁷. Другими словами, это тип ИА, действенность которого направлена на «естественную» социальность, но сам он в ней не представлен, остается в цифровой виртуальной среде. Наконец, тип ИА гибридной социальности на основе социальной связи слабейшего типа представляет собой «виртуальную персону». К. Яковлев применительно к такому типу ИА пишет: «Например, бывают полностью виртуальные интеллектуальные агенты, скажем персонажи компьютерных игр. Этот агент живет в виртуальной реальности, у него нет физического воплощения. Он подчиняется физике, логике своего виртуального мира, в нем он действует и взаимодействует»⁸. Другим примером ИА такого типа могут рассматриваться боты. Поскольку ИА данного типа и существует в цифровой виртуальной реальности, и его действенность ориентирована на эту реальность, то именно к нему в максимальной сфере применимо понятие «квазисубъект». Следует лишь оговориться, что предпосылкой этой квазисубъектности является не некая особенность ИИ, на основе которого функционирует ИА, а специфика коммуникации в цифровой социальности. Коммуникация в цифровой социальности деперсонализируется, что парадоксальным образом открывает возможность для симулирования персональности и ее производства программно-цифровыми средствами.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Позволим себе в этой связи длинную цитату из публикации Л. А. Сабуровой. «Актеры – участники процессов взаимодействия в своем цифровом воплощении перестают быть конкретными личностями со своей историей, статусами, социальными ролями. ...Актор предьявлен текстом – картинкой, символом, словами, а поводом для коммуникации являются любые цифровые события, представляющие интерес для участников, причем отдельные персональные мнения практически не влияют на степень этого интереса и направленность реакции.

Соответственно, многогранное и живое социальное целое, описываемое категорией «личность» (personality), редуцируется в онлайн-сообществах до информационного события большего или меньшего объема. С учетом мозаичности и фрагментарности самих процессов коммуникации не только акторы, но и их взаимоотношения не имеют истории, а также иного контекста, кроме конкретного информационного сюжета (повода), мнения о котором предьявляются пользователями» (Сабурова, 2020, с. 48). Именно по этой причине в виртуальной среде возможно на равных общение ИА и социальных агентов; не ИА конституируется до субъекта, до псевдосубъекта сводится (низводится, деконструируется) социальный субъект.

По сути ИА второго и третьего типа представляют собой программу и различаются только функциональной направленностью на различные социальности. При этом в случае ориентации на естественно-историческую социальность ИА симулирует социального агента или его социальное действие. По нашему мнению, симулирующая функция ИА обоих типов позволяет по-новому взглянуть на модную тему симулякров в коммуникационных структурах современного общества. Такой подход позволяет вскрыть содержательную сторону симулякрявлений и провести их анализ по схеме, аналогичной, например, схеме анализа «превращенной формы» в марксизме.

Интеллектуальная система – актуальное решение задач социальной агентности в гибридной социальности

Возвращаясь к проблеме создания ИА образа социальной среды, шире – описания им окружающего мира, следует констатировать, что этот процесс детерминирован целеориентированной функциональностью и алгоритмичностью. Другими словами, для всех сред эта проблема решается как среда, описанная алгоритмически (Потапов, 2021, с. 115), т. е. в задачи ИА включается умение строить алгоритмы описания среды. В силу этого решения следует говорить не отдельно об ИА и отдельно об алгоритмически описанной среде, а об ИА в алгоритмически описанной им среде. Последнее заставляет смотреть на машинно-системные когнитивные процессы как на удвоенное технологическое познание (наложение двух алгоритмических рядов). Но получаемая в результате «общая картина мира», а именно алгоритмизированное системное видение, отличается от антропосоциальной «общей картины мира», как от обыденной – интегральное видение, так и научной – предметно-структурированной (Подшивалкина, 1997, с. 17).

Отличия идут практически по всем факторам познавательной деятельности. Алгоритмизированное системное видение ориентировано на контроль и управление ситуацией, которая подводится под заранее определенный тип, характеризуется реальным и идеальным динамическим пространством, реализуется

как саморегуляция в логике нормативной последовательности направленных на эффективное целедостижение действий, обладает минимально необходимым уровнем рациональности в заданных временных координатах с темпоральными модальностями настоящего и будущего и опирается на нестрогий специализированный или формализованный систематизированный язык. В отличие от него, например, интегральное видение мира ориентировано на разрешение ситуации, ее персонификацию и индивидуализацию, включает все три темпоральных модуса во временном диапазоне наличной ситуации и обеспечивает связанность действий. А предметно-структурированное (научное) видение ориентировано на логико-аргументативные теории, реализуется не только в анализе и синтезе, но и в интерпретациях, ограничено парадигмой, в рамках которой происходит типизация и деиндивидуализация, и темпоральные модусы которого – прошлое и будущее.

Главное же отличие заключается в том, что интегральная картина мира, «жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир... именно поэтому повседневный жизненный мир имеет телеологическую структуру, поскольку все его элементы соотношены с целеполагающей деятельностью (а не с функциональной целеориентацией – А. П.) человека» (Подшивалкина, 1997, с. 20) В случае же с предметно-структурированным видением мира сегодня происходит отказ от его классической версии, согласно которой из картины мира должен был быть устранен субъект – человек. Современная неклассическая версия научного видения мира «...обращает внимание на существование в любом сознании нерелективных слоев, не поддающихся рефлексивному контролю процессов, образующих скрытое ядро познания...» (Огурцов, 2011, с. 472). В своей совокупности они образуют субъектное основание интерпретации структурно упорядоченного мира как осмысленного; смыслы генерируются в процессе интерпретации, которая даже в своей самой строгой формализованности предполагает субъектность.

Именно в силу различия трех указанных типов построения картин мира/описаний окружающей среды эффективная ориентация и функционирование ИА в социальной среде неизбежно должны включать антропогенного по своей природе социального агента. На этом уровне анализа явно видна взаимосвязь проблематики создания образа социальной среды ИА и проблематики трансформации агента социальности. Но в анализируемом аспекте общая проблематика двух исследовательских полей может быть уточнена как проблема синтеза различных типов образов (описаний) окружающего мира. Проблема носит антитетический характер. Это должен быть один общий образ для всех агентов (по причине совместности их действительности – общая среда (место), на которую направлена эта действительность, и ее «взаимость» – агент с агентом). Одновременно это должен быть образ, который остается «понятным» для каждого из агентов, т. е. описан (сконструирован) понятным для агента способом.

Корректная формулировка проблемы есть проблема изменения субъекта социального действия, корреляция этого изменения с внедрением ИА и возможных векторов развития общества в результате выбора трансформирующегося социального субъекта. В актуальной точке это взаимодействие отдельного человека и системы машин, которая формируется на основе новых технологий коммуникаций, наиболее полно представленных Интернетом с его виртуальной

реальностью; это взаимодействие с машинами, собранными в одну платформу. В силу последнего обстоятельства следует признать вполне закономерным сегодняшнюю ориентацию усилий создателей ИИ на создание общего ИИ, «... который нужен именно для того, чтобы системы ИИ были общими, и который противопоставляется «узкому» (слабому – А. П.) ИИ» и который способен «... достигать цели в широком диапазоне сред» (Потапов, 2021, с. 16, 123).

Собственно говоря, развитие новых средств коммуникации и реализовали те предпосылки, отсутствие которых не позволило создать ИИ в середине прошлого века. Эти же средства коммуникации, породив социальную эпистемологическую проблему, решением которой и должен стать ИИ, подводят к требуемому решению проблемы: системе знаний может «противостоять», пользоваться ею, наращивать ее только распределенный коллективный социальный субъект. Повторимся, именно в этом в первом приближении и находится ответ на все вызовы, связанные с ИИ.

Но, возвращаясь к характеристикам общества «пост-», можно констатировать, что в этом обществе с вызовами внедрения ИА человек столкнется в одиночку. Парадоксальность ситуации в том, что начальная ситуация разработки ИИ и актуальная ситуация его технологизации и внедрения в общество отличаются типом взаимодействия человека с «умной машиной». В начальной точке это взаимодействие является уже привычным взаимодействием отдельного человека и отдельной машины. В актуальной точке это взаимодействие отдельного человека и системы машин, которая формируется на основе новых технологий коммуникаций, наиболее полно представленных Интернетом с его цифровой виртуальной реальностью; это взаимодействие с машинами, собранными в одну платформу.

Фиксация начальной и актуальной ситуаций заставляет признать, что вся история разработки и внедрения технологий ИИ осуществляется в одной социально-технологической парадигме. Это парадигма интеллектуальной системы. Приведенное в начале статьи определение ИС, предложенное В. К. Финном для экспертной ИС, корректно в ситуации взаимодействия отдельного человека и отдельной машины. Но если принять во внимание, что в актуальной ситуации разработки и применения технологий самообучающегося ИИ базой данных и базой знаний выступают большие данные, доступные в Интернете, то приведенное определение и характеристика ИС сохраняет свою корректность.

Для актуальной ситуации в определении В. К. Финна аналогично базам данных и базам знаний может быть скорректировано и упоминание эксперта. В таковом качестве должен выступить распределенный коллективный субъект, понимаемый как совокупность социальных агентов, которые вовлечены в общение друг с другом и с разнообразными ИА в наличной ситуации. Такой социальный субъект оказывается своеобразным эмпирическим коррелятом коммуникативного сообщества К.-О. Апеля. По крайней мере, анализ условий субъектности социальных агентов в ситуации ИС вполне можно вести по той модели, которая разработана им для анализа коммуникативных сообществ (Апель, 2001, с. 317, 329, 331). Дополнительным аргументом в пользу последнего утверждения может служить возможность явного ввода этического и морального измерения в проблематику коллективного использования технологий ИИ.

Предпосылки для формирования такого распределенного коллективного субъекта у общества наличествуют – это те же современные коммуникативные

системы, сведенные в цифровые платформы. Под последними понимаются «...цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум или более группам взаимодействовать. Поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей... В категорию «пользователей» мы включаем также и машины... это... базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между разными группами. Их... характерная черта заключается в том, что цифровые платформы порождают «сетевые эффекты» и опираются на них...» (Срничек, 2019, с. 41–43).

Таким образом, цифровые платформы для функционирования разнообразных ИА, на которых выстраиваются цифровые виртуальные мульти- и метавселенные, одновременно оказываются и платформами для сборки нового естественно-исторического субъекта социальности. Проблема контроля над ИИ оказывается «выводной проблемой» формирования новой социальности на базе технологических коммуникативных платформ. И ее анализ требует более пристального внимания, т.к. это и есть формирование цифровой «второй социальности». Появление новой социальности на базе коммуникативных платформ является объективной необходимостью, это ответ на усложнение проблем «первой (естественно-исторической) социальности», средство контроля над нарастающей комплексностью социальных феноменов. Именно процесс формирования новой социальности лежит в основе удвоения социальности, ее гибридизации.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать следующее. Решение задачи создания сильного, аналогичного человеческому ИИ невозможно без учета социального аспекта человеческого интеллекта. Иными словами, без учета тенденции формирования гибридной социальности по модели «человек – машинный интеллект – человек» (как вариант, «машина – человек – машина»). Эта социальность предполагает формирование интеллектуальных систем, синтезирующих естественный (человеческий) и искусственный (машинный) интеллект в форме ИА на базе общих информационно-технологических платформ. Создание таких систем с точки зрения когнитологического подхода предполагает интерфейсы алгоритмического (машинного) и интегрально-рефлексивного описания (познания) окружающего мира. Иными словами, формирование гибридной социальности ведет к формированию нового типа мышления, субстратом которого выступает коммуникация распределенного коллективного субъекта и системы машинного интеллекта, и онтология которого включает в качестве существенного региона алгоритмическую разметку мира.

В границах заявленного подхода выявляется и круг проблем, составляющих вызовы и риски для оформляющейся новой социетальной системы. В числе наиболее значимых следует выделить:

- способность человека выступать в роли интерпретанта результатов деятельности ИА, связанная с экспертным знанием и превращением ИА в «черный ящик»;
- трансформация антропности (в том числе телесности) в ходе опосредования человеческих взаимодействий с ИА;

– риски ошибки ИИ как стремление снизить риск человеческой ошибки (феномен «усталости» ИИ остается практически неисследованным по банальной проблеме отсутствия прецедентов);

– редукция социальной сложности, сложность которой призван решить ИИ, к сложности связки «распределенный социальный субъект – система интеллектуальных агентов»;

– подчинение социальных отношений (действий, взаимодействий) алгоритмам ИА и, как следствие, смена научной рациональности рациональностью технологической.

Список литературы

1. Апель, К.-О. (2001). Априори коммуникативного сообщества и основания этики. В К.-О. Апель, *Трансформация философии* (с. 263–335). М.: Логос.

2. Грановеттер, М. (2009). Сила слабых связей. *Экономическая социология*, 10(4), 31–50.

3. Игнатъев, В.И. (2018). «Информационный взрыв» эпохи четвертой промышленной революции: социокультурные и антропные трансформации. В *Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: Сборник материалов Международной научной конференции (13–14 апреля 2018 г., Санкт-Петербург)* (с. 45–49). СПб.: Издательство Политехнического университета.

4. Корецкая, М.А. (2019). Коллективное тело в эпоху новых медиа: «сетевой» и «уличный» регистры существования. В Г.К. Гизатова и др. (Ред.), *«Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: Материалы Международной научно-образовательной конференции (15–16 ноября 2019 г., Казань)* (с. 116–126). Казань: Издательство Казанского университета.

5. Огурцов, А.П. (2011). *Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы. Ч. 1: Философия науки: исследовательские программы*. СПб.: Мирь.

6. Подшивалкина, В.И. (1997). *Социальные технологии: проблемы методологии и практики*. Кишинев: Центральная типография.

7. Пономарев, А.М. (2019). Изменение в структуре социального действия под влиянием интернет-сообществ: к постановке проблемы. В И.Р. Тростинская (Ред.), *Технологии PR и рекламы в современном обществе: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции (16–17 апреля 2019 г., Санкт-Петербург)* (с. 289–292). СПб.: Издательство Политехнического университета.

8. Потапов, А.С. (Ред.). (2021). *Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму*. М.: Альпина паблишер.

9. Резаев, А.В. (Ред.). (2021). *От искусственного интеллекта к искусственной социальной аналитике: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики*. М.: ВЦИОМ.

10. Резаев, А.В., Трегубова, Н.Д. (2021). «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий. В А.В. Резаев (Ред.), *От искусственного интеллекта к искусственной социальной аналитике: новые исследовательские проблемы современной социальной*

аналитики (с. 20–36). М.: ВЦИОМ.

11. Сабурова, Л.А. (2019). «Облегченная социальность»: коммуникативные особенности социальной интеграции в цифровом мире. В Г.К. Гизатова и др. (Ред.), *«Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: Материалы Международной научно-образовательной конференции (15–16 ноября 2019 г., Казань)* (с. 188–194). Казань: Издательство Казанского университета.

12. Сабурова, Л.А. (2020). Дегерсонализация общения в цифровых коммуникациях: феномен «облегченной социальности». В Л.А. Закс и др. (Ред.), *Публичное/частное в современной цивилизации: Сборник научных трудов XXII научно-практической конференции (16–17 апреля 2020 г., Екатеринбург)* (с. 45–51). Екатеринбург: Гуманитарный университет.

13. Соснина, Т.Н. (2017). Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, (2), 11–19.

14. Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом ВШЭ.

15. Финн, В.К. (2000). *Интеллектуальные системы и общество*. М.: РГГУ.

16. Шуман, А.Н. (2002). *Трансцендентальная философия*. Минск: Экономпресс.

References

1. Apel, K.-O. (2011). The a priori of the communication community and the foundations of ethics. In K.-O. Apel, *Transformaciya filosofii* (pp. 263–335). Moscow: Logos.

2. Finn, V.K. (2000). *Intellektual'nye sistemy i obshchestvo* [Intelligent systems and society]. Moscow: RGGU.

3. Granovetter, M. (2009). Sila slabyx svyazey [The strength of weak ties]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 10(4), 31–50.

4. Ignatiev, V.I. (2018). “Informacionnyj vzryv” e'poxi chetvertoj promyshlennoj revolyucii: sociokul'turnye i antropnye transformacii [“Information explosion” in the era of the Fourth industrial revolution: Socio-cultural and anthropic transformations]. In *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya: realii i sovremennye vyzovy: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (13–14 aprelya 2018 g., Sankt-Peterburg)* (pp. 45–49). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politexnicheskogo universiteta.

5. Koretskaya, M.A. (2019). Kollektivnoe telo v e'poxu novyx media: “setevoy” i “ulichnyj” registry sushhestvovaniya [Collective body in the new media epoch: “Network” and “street” registers of existence]. In G.K. Gizatovova et al. (Eds.), *“Obshchestvo 5.0”: paradoksy cifrovogo budushhego: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii (15–16 noyabrya 2019 g., Kazan')* (pp. 116–126). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

6. Ogurtsov, A.P. (2011). *Filosofiya nauki: dvadcatyj vek: koncepcii i problemy. Ch. 1: Filosofiya nauki: issledovatel'skie programmy* [Philosophy of science: The 20th century: Concepts and problems. Part 1: Philosophy of science: Research programs]. Saint Petersburg: Mir.

7. Podshivalkina, V.I. (1997). *Sotsialnyie tehnologii: problemy metodologii i praktiki* [Social technologies: Issues of methodology and practice]. Kishinjov: Central'naya tipografiya.

8. Ponomarev, A.M. (2019). *Izmenenie v strukture social'nogo dejstviya pod vliyaniem internet-soobshhestv: k postanovke problemy* [The change in the structure of social action influenced by online communities: To problem statement]. In I.R. Trostinskaya (Ed.), *Tehnologii PR i reklamy v sovremennom obshhestve: Materialy XIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (16–17 aprelya 2019 g., Sankt-Peterburg)* (pp. 289–292). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politexnicheskogo universiteta.

9. Potapov, A.S. (Ed.). (2021). *Sil'nyj iskusstvennyj intellekt: na podstupax k sverxrazumu* [Strong artificial intelligence: On the approaches to superintelligence]. Moscow: Alpina publisher.

10. Rezaev, A.V. (Ed.). (2021). *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj social'noj analitiki* [Artificial intelligence on the way to artificial sociality: New research agenda for social analytics]. Moscow: VCIOM.

11. Rezaev, A.V., & Tregubova, N.D. (2021). “Iskusstvennyy intellekt”, “onlayn-kultura”, “iskusstvennaya sotsialnost”: opredelenie ponyatij [“Artificial intelligence”, “online culture”, “artificial sociality”: definition of the terms]. In A.V. Rezaev (Ed.), *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj social'noj analitiki* (pp. 20–36). Moscow: VCIOM.

12. Saburova, L.A. (2019). “Oblegchennaya social'nost'”: kommunikativnye osobennosti social'noj integracii v cifrovom mire [“Lightened sociality”: Communicative features of social integration in the digital world]. In G.K. Gizatovova et al. (Eds.), *“Obshhestvo 5.0”: paradoksy cifrovogo budushhego: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii (15–16 noyabrya 2019 g., Kazan')* (pp. 188–194). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

13. Saburova, L.A. (2020). Depersonalizaciya obshheniya v cifrovyyx kommunikacijax: fenomen “oblegchennoj social'nosti” [Depersonalization of digital communications: The phenomenon of “lightened sociality”]. In L.A. Zaks et al. (Eds.), *Publichnoe/chastnoe v sovremennoj civilizacii: Sbornik nauchnyx trudov XXII nauchno-prakticheskoy konferencii (16–17 aprelya 2020 g., Ekaterinburg)* (pp. 45–51). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet.

14. Shuman, A.N. (2002). *Transcendental'naya filosofiya* [Transcendental Philosophy]. Minsk: E'konompress.

15. Sosnina, T.N. (2017). *Opredelenie ponyatiya “virtual'nost'”. Analiz terminologicheskogo statusa* [The definition of the notion ‘virtuality’. The terminological status analysis]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve*, (2), 11–19.

16. Srnicek, N. (2019). *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

Информация об авторе

Алексей Михайлович Пономарёв, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Удмуртский филиал, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9033-6426>, e-mail: amp08@mail.ru

Information about the author

Aleksey Mikhailovich Ponomarev, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the Udmurt Branch, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9033-6426>, e-mail: amp08@mail.ru